

С.В. Чернов

ХАРАКТЕРОЛОГИЯ ГЕНИАЛЬНОСТИ: ОБРАЗ ЛИЧНОСТИ ГЕНИЯ (на примере исследования творческой жизни Оноре де Бальзака)

Аннотация. Традиционные психологические исследования личности человека являются недостаточными для понимания личности в её целостности и предельной завершённости, и, соответственно, не позволяют выстроить целостный образ личности гения. В рамках развиваемого автором нового оригинального направления философской антропологии, определяемого как «характерология гениальности», предпринята очередная попытка представить новый взгляд на проблему гениальности, как проблему не просто психологическую, но прежде всего философско-антропологическую, такую проблему, без разрешения которой невозможно глубокое понимание сущности человека, ведь именно вершинные состояния духа, к которым как раз и относится гениальность, наиболее ярко освещают тот микрокосм, который мы называем человеком. В настоящей статье для утверждения и обоснования представленного здесь оригинального подхода к исследованию человеческого гения, автор обращается к анализу творческой жизни выдающегося французского писателя и мыслителя Оноре де Бальзака (1799–1850). Этот выбор не случаен, поскольку творческая жизнь Бальзака наиболее ярко, рельефно и объёмно являет исследователю следующие феномены гениальности: феномен поступка, своеобразие ума гения, ценностно-смысловые устремления гения, творческий дар и назначение гения. Немаловажным для такого выбора является и то, что сам Бальзак был незаурядным исследователем гениальности.

Ключевые слова: философская антропология, характерология гениальности, Оноре де Бальзак, творческая жизнь гения, феномены гениальности, феномен поступка, ценности и смыслы, своеобразие ума гения, творческий дар, назначение гения.

Review. Traditional psychological researches of personality are rather insufficient to understand personality from the point of view of its integrity and completeness, neither do they allow to create an integral image of genius personality. Within the framework of an original branch of philosophical anthropology developed by the author of the present article and called 'characterology of genius', the author makes another attempt to view the problem of genius in a new light as rather a philosophical and anthropological problem than merely psychological issue. According to the author of the article, without solving this problem it would be impossible to fully understand the essence of human taking into account that the supreme states of spirit including genius throw light on that microcosm which we call 'human'. To prove and substantiate his original approach to studying human genius, the author analyzes creative life of a famous French philosopher and author Honoré de Balzac (1799–1850). It was not by accident that the author chose Balzac for his research. Balzac's life presents the most visible phenomena of genius such as the phenomenon of action, peculiarities of a genius mind, values and aspirations of genius, creative genius and mission of a genius. The fact that Balzac also researched the phenomenon of genius in his works is important, too.

Keywords: philosophical anthropology, characteristics of a genius, Honoré de Balzac, creative life of the genius, phenomena of genius, phenomenon of action, values and meanings, peculiarities of a genius mind, creative genius, mission of a genius.

«Индивидуальность объясняется только сама из себя»

Алексей Фёдорович Лосев

I

Исследования человеческого гения, предпринятые нами ранее¹ и проведённые в проблемном поле философской антропологии, блестяще представленном в трудах П.С. Гуревича², приводят нас к следующим **выводам**.

Первое. Все существующие на сегодняшний день психологические теории гениальности (психоаналитические теории, теории качественного превосходства, теории количественного превосходства)³ не могут вполне определённо объяснить этот феномен. Некоторые из этих теорий в лучшем случае описывают блестящий талант, но совсем не гений. Исходя из этого, проблема гениальности, поставленная ещё в трудах Гераклита, Платона, Плотина и других античных писателей и продолженная в произведениях Шеллинга, Гегеля, Артура Шопенгауэра, Френсиса Гальтона, Отто Вейнингера, Н.А. Бердяева, А.Ф. Лосева, В.П. Эфроимсона и других современных авторов, вместе с тем не может считаться окончательно разрешённой, оставаясь при этом однозначно актуальной⁴.

Второе. Изучение личностных качеств, своеобразия характера (психологический аспект), поведенческих проявлений, уклада жизни (биографический аспект), окружения, социальных связей, профессиональной направленности (социологический аспект) гениальных людей различных времён и народов со всей очевидностью показывают, что гениальные люди не имеют чего-либо такого в указанных аспектах, что принципиально отличало бы их от людей обыкновенных. Рассмотрение гениальности как предмета психологии, социологии, биографической истории, даёт, вне сомнения, ценный фактологический материал по проблеме гениальности, однако не является достаточным основанием для раскрытия сущности и понимания природы человеческого гения.

¹ Чернов С.В. Книга о гениальности. Т. 1. Человеческий гений: Природа. Сущность. Становление. Воронеж-М., 2010 и др.

² Гуревич П.С. Философская антропология. М., 2010; Гуревич П.С. Философская интерпретация человека. СПб., 2013.

³ См.: Гримак Л.П. Предисловие // Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. М., 1996. С. 11.

⁴ Чернов С.В. Книга о гениальности. Т. 1. Человеческий гений: Природа. Сущность. Становление. Воронеж-М., 2010. С. 13-17.

Третье. Традиционные психологические исследования личности человека, где личность рассматривается преимущественно с точки зрения мотивов и целей деятельности, являются недостаточными для понимания личности в её целостности⁵, и, соответственно, не позволяет нам также выстроить *целостный образ личности гения*. В свою очередь, структурно-психологический анализ личности, реализуемый в трудах ряда зарубежных психологов (например, Олпорт, Кэттелл, Маслоу и др.), также мало даёт для решения поставленной выше задачи.

Четвёртое. Наиболее продуктивным представляется философско-антропологическое понимание личности, как *самотворящей саму себя* на протяжении всей человеческой жизни, развиваемое русским философом и мыслителем Н.А. Бердяевым, который в частности указывал: «Личность выковывается в... творческом самоопределении. Она всегда предполагает призвание, единственное и неповторимое призвание каждого. Она следует внутреннему голосу, призывающему её осуществить свою жизненную задачу. Человек тогда только личность, когда он следует этому внутреннему голосу, а не внешним влияниям. Призвание всегда носит индивидуальный характер. И никто другой не может решить вопроса о призвании данного человека. Личность имеет призвание, потому что она призвана к творчеству. Творчество же всегда индивидуально»⁶. На наш взгляд, именно гениальный человек наиболее ярко являет нам этот феномен самотворения личности. «Личность творит себя на протяжении всей человеческой жизни»⁷, но для этого в личности должен быть какой-либо стержень, при отсутствии которого нет и личности. Понимание, осознание и реализация личностью своего *единственного и неповторимого призвания* и есть гениальность, а гениальность, в свою очередь, и есть высшее, одно из наиболее совершенных проявлений личности в её целостности.

Исходя из вышеизложенного, для представления *образа личности гения*, необходимо рассматривать личность гениального человека в её целостности и предельной завершенности, опираясь при

⁵ На это в частности обращал внимание наш выдающийся философ и психолог С.Л. Рубинштейн.

⁶ Бердяев Н.А. Проблема человека (К построению христианской антропологии) // Путь. 1936. № 50. С. 16-17.

⁷ Там же. С. 16.

этом на такие феномены, которые мы реально можем вычлени́ть, индивидуализировать и описать применительно к личности конкретных гениальных людей, поскольку «индивидуальность объясняется только сама из себя» (А.Ф. Лосев)⁸.

Наши многолетние исследования позволили выявить эти искомые феномены гениальности⁹, а именно:

- 1) феномен поступка, такого поступка, который открывает путь для становления гения и который подтверждает «волю к гениальности». Человек, совершающий поступок, которым он отвергает внешнее обывательское благополучие, или того больше идёт на риск, опасность, подвиг, но тем самым отстаивает и утверждает свободу своего духовного творчества, такой человек открывает путь для становления своего гения, такой человек – уже гений. Становление гения берёт своё начало в поступке, который широко открывает ворота души для реализации творческого дара гения в его уникальном во всех отношениях назначении;
- 2) своеобразии ума гения. Гениальный ум – это ум созидательно-творческий (πρως ποιητικός), в своих мыслеобразах он открывает смыслы и ценности, постигает иные духовные миры, создаёт универсалии духовной культуры. Направленность такого ума не исходит из соображений пользы и выгоды. Созидательно-творческий ум не может быть ни вульгарным, ни практичным, ни расчленяющим, это ум простой, непосредственный, синтетический. Это ум духовно-деятельный – художественный, поэтический, созерцательный, отражающий не только первоосновы бытия, но и умеющий прозревать в самом видимом невидимое высшее духовное начало. Продукты созидательно-творческого ума хотят найти свою завершенность в благом, прекрасном, возвышенном, совершенном. Ум гениального чело-

века наделён атрибутами парадоксальности, универсальности, вневременности;

- 3) ценностно-смысловые устремления гения. Выдающиеся, гениальные люди стремятся к познанию и воспроизведению высших истин, при этом они менее всего заботятся о собственной пользе, напротив, их усилия направлены не на получение личной выгоды, а на создание общезначимых, общечеловеческих ценностей – ценностей, формирующих в конечном итоге духовную культуру человеческого рода. Деятельность гения направлена на решение вечных вопросов бытия и сама жизнь его тем самым выходит за пределы времени и приобретает характер вневременности;
- 4) творческий дар гения. Гений уже знает всё, еще не зная ничего; в его сознании нет расчлененности, его знание и вера целокупны, он верит, не имея никаких оснований для веры, и он знает, не имея никаких оснований для знания, – тех оснований, которые просто необходимы всем остальным людям. Поэтому гений, не зная еще доказательства вещей, знает между тем сами вещи в их смысловой явленности. В этом и состоит творческий дар гения;
- 5) призвание, назначение гения. Назначение – это трансцендентный феномен, связанный с обнаружением, осознанием и принятием изначально заданного предназначения личности. Творческий дар и назначение в их целостном единстве, осознанности и безусловной включённости в творческую деятельность человека и есть духовный фатум гениальности и, соответственно, обнаружение, осознание и принятие человеком творческого дара и назначения своего и есть собственно проявление, эманация гениальности.

Для решения поставленной здесь задачи, а именно представления образа личности гения, старые традиционные подходы уже недостаточны. Необходим новый взгляд на проблему гениальности, нужна новая методология научного исследования этой проблемы. И такой подход, и такая методология были нами найдены и обоснованы в рамках нового оригинального научного направления, которое мы определили как «характерология гениальности»¹⁰. Предметом данного

⁸ Цит. по: Тахо-Годи А.А. Лосев. М., 2007. С. 463.

⁹ Подр. см.: Чернов С.В. Книга о гениальности. Т. 1. Человеческий гений: Природа. Сущность. Становление. Воронеж-М., 2010; Он же. Проблема гениальности в контексте философской антропологии // Философия и культура. 2013. № 12(72). С. 1757-1769. (DOI: 10.7256/1999-2793.2013.12.9382); Он же. Характерология гениальности: Феномен поступка // Научные труды Института Непрерывного Профессионального Образования. Выпуск третий (№ 3/2014) / Под ред. проф. С.В. Чернова. М.: Изд-во Института непрерывного профессионального образования, 2014. С. 279-323.

¹⁰ Чернов С.В. Книга о гениальности. Т. 1. Человеческий гений: Природа. Сущность. Становление. Воронеж-М., 2010; Он же. Характерология гениальности: Феномен поступка //

научного направления является исследование творческой жизни гениальных людей разных времён и народов с целью познания *природы и сущности человеческого гения*, что, в свою очередь, даёт более глубокое понимание *природы и сущности человека вообще*. Таким образом, характерология гениальности есть не что иное, как практический опыт диалектико-феноменологического анализа творческой жизни гениальных людей, где единицами такого анализа выступают выделенные выше феномены гениальности.

В свою очередь, *творческая жизнь гения* как предмет научного анализа складывается из следующих составляющих: *творческая биография, творческая деятельность и творческое наследие гениального человека*. Следовательно, *образ личности гения* не может быть раскрыт иначе как посредством обращения к следующим доступным для нас источникам: 1) *представления* (размышления, идеи) о гениальности тех людей, которые во всей человеческой истории признаются гениальными; 2) *диалектико-феноменологический анализ*¹¹ личности конкретных гениальных людей с опорой на соответствующие феномены о которых было сказано выше; 3) *изучение творческого наследия* гениальных людей всех времён и народов, опираясь на такую методологию, которая позволяет само произведение, подвергаемое соответствующему анализу, безусловно и однозначно определить как *гениальное творение*.

В настоящей статье, для утверждения и обоснования представленного здесь оригинального подхода к исследованию человеческого гения в рамках характерологии гениальности, мы обратились к анализу творческой жизни выдающегося французского писателя и мыслителя Оноре де Бальзака (1799–1850). Эта фигура была выбрана нами не случайно, поскольку творческая жизнь Бальзака наиболее ярко, рельефно и объёмно является нам указанные выше феномены гениальности. Кроме того, Бальзак, называющий себя *доктором социальных наук*, сам был незаурядным исследователем человеческого гения.

Научные труды Института Непрерывного Профессионального Образования. Выпуск третий (№ 3/2014) / Под ред. проф. С.В. Чернова. М.: Изд-во Института непрерывного профессионального образования, 2014. С. 279-323.

¹¹ Чернов С.В. Диалектика и феноменология человеческого гения // Научные труды Института духовной культуры и свободного творчества. Выпуск первый (№ 1/2011). Воронеж–М.: Изд-во Института духовной культуры, 2011. С. 99-142.

II

В биографиях гениальных людей мы часто встречаем интересные совпадения, которые наше внимание просто отказывается пропустить. Вершина французской литературы – Оноре де Бальзак (род. 30 мая 1799 г.) и национальный российский гений Александр Сергеевич Пушкин (род. 6 июня 1799 г.) появились на свет почти одновременно – разница в возрасте минимальна и составляет всего несколько дней. Есть и ещё одно интересное совпадение: «В бытность свою в Одессе Пушкин увлёкся Каролиной Собаньской, родной сестрой Эвелины Ганской¹², в те годы, когда ни Пушкин, ни Ганская ещё не могли иметь и представления о Бальзаке. Едва ли это увлечение Пушкина было серьёзным... Как выяснилось впоследствии, Каролина Собаньская была шпионом, в Одессе она следила за декабристами, но, несмотря на свои заслуги перед русским престолом, была выслана Николаем I, получившим сведения, что она развивает шпионскую деятельность в третьем направлении. Нравственный уровень этих обеих аристократок был очень низок. И если знакомство Пушкина со старшей сестрой прошло почти бесследно, то близость Бальзака с младшей запечатлелась во всей его жизни бесплодным миражем»¹³.

На этом сходство биографий русского и французского национальных гениев заканчивается. Если в тридцать лет Пушкин уже один из самых известных поэтов России, законодатель литературных предпочтений образованной публики, поддержка для молодых литературных талантов, то во Франции никто ещё не знает Бальзака, в двадцать лет – голодранца, проживающего на чердаке в одном из парижских доходных домов, а в тридцать – неудавшегося предпринимателя и спекулятора, который вынужден рассчитывать с крупными долгами, поставив на службу этому своё перо. Если Пушкин вошёл в русскую литературу словно комета, и в невероятно короткие сроки стал одним из самых читаемых поэтов и писателей России, то Бальзак долго, тяжело и неравномерно шёл к своему успеху.

¹² Эвелина Ганская – «прекрасная незнакомка» с которой Бальзак долгие годы вел анонимную переписку, перешедшую впоследствии в не менее продолжительное ухаживание. Переписка Бальзака с Ганской началась в 1833 г. и только в 1850 завершилась свадьбой, когда Бальзак был уже смертельно болен.

¹³ Грифцов Б. Как работал Бальзак. М., 1937. С. 103.

Позволим ещё одно сравнение. Иоганн Вольфганг фон Гёте и Оноре де Бальзак, – два великих человека, немец и француз, жившие в одно время, но в разных мировоззренческих эпохах. Что объединяет этих людей, что общего между ними? И что заставляет нас называть их одним и тем же именем – *именем гения*? Ничего, абсолютно ничего общего и даже отдалённо похожего мы не сможем найти ни в жизни, ни в характере этих двух людей. Даже дворянский титул имеет у каждого из них разное происхождение. Первому его пожаловал Веймарский герцог Карл Август, в правительстве которого Гёте долгое время служил сначала тайным советником, а позднее государственным министром, где и показал чудеса административного «искусства». Бальзак нигде, никогда и никому не служил. Он вообще испытывал отвращение к какой-либо службе и всегда страшился призрака обыденной жизни и опасался какого-либо начальствования над собой: «...однако нотариусом я не стану. <...> Если мне посадят на голову этого мракобеса, считайте, что мне конец, я превращусь в манежную лошадь, которая делает свои тридцать – сорок кругов в час, ест, пьёт, спит в заранее установленное время»¹⁴. А дворянский титул, в отличие от Гёте, Бальзак присвоил себе самолично¹⁵. Он утверждал, что является выходцем из рода Бальзаков де'Антрег, но когда однажды кто-то указал Бальзаку: «Но вы же сами знаете, что это шутка, что вы не имеете никакого отношения к д'Антрегам. – Тем хуже для них, – отвечал он тоном удовлетворенного величия»¹⁶.

Гёте прожил долгую жизнь – 82 года, Бальзак скончался в 51 год. По количеству и объёму созданных им произведений за двадцать, без малого, лет, Бальзак уступает по продуктивности лишь немногим, кто трудился на литературном поприще до него или рядом с ним. Но если подсчитать часы и минуты, которые Бальзак провёл за своим письменным столом, то здесь, возможно, он будет абсолютным лидером среди писателей. Что касается литературного наследия Гёте, то большую его половину составляют воспоминания, мемуары,

заметки, письма, дневники и пр. Много времени, и Гёте сам об этом говорил, занимали другие дела: служба, научные изыскания, переписка, развлечения, семейная жизнь, друзья, свет и пр. Бальзак же писал непрерывно: «...Пишу всё время; когда не сижу над рукописью, обдумываю план, а когда не думаю над планом, то исправляю гранки. Вот моя жизнь»¹⁷.

Многие свои крупные произведения, такие как «Поиски Абсолюта», «Кузен Понс», «Кузина Бетта» и др., Бальзак завершил за считанные месяцы, а иногда и за несколько недель («Цезарь Бирото»). Над текстом «Фауста» Гёте трудился почти 60(!) лет, и когда драма была завершена, писатель заклеил её в конверт с распоряжением опубликовать полный текст только после своей смерти. «На мою дальнейшую жизнь, – сказал при этом Гёте, – я могу смотреть как на простой подарок. И теперь уже, в сущности, всё равно, что я буду делать, и буду ли я делать что-нибудь»¹⁸. Для Бальзака любая задержка с публикацией его произведений была «смерти подобна». Какими всё-таки разными были эти два человека – Иоганн Вольфганг фон Гёте и Оноре де Бальзак.

Гёте универсален. Он известен не только как драматург, романист и поэт, но и как естествоиспытатель много лет посвятивший изучению геологии, минералогии, ботанике и сравнительной анатомии, не говоря уже о его государственной службе. Кроме этого Гёте занимался также разработкой теории цвета, которая в основаниях своих во многом отличается от теории цвета, разработанной Исааком Ньютоном. В свою очередь, согласно исследованиям Мадлен Фаржо, роман Бальзака «Поиски Абсолюта» содержит «целый ряд верных гипотез»¹⁹, опережающих частные научные изыскания чуть ли ни на столетие. Универсальность Бальзака имеет совсем иной характер, чем у Гёте. Бальзак многогранен в тематике своих произведений и в рассматриваемых в этих произведениях вопросах, но объединённых, как мы знаем, одной идеей. Бальзак умел, как никто другой, объединять такие факты, события, идеи, на что Гёте никогда бы не решился. *Универсальность Гёте – в широте охвата многих направлений познания, но в их изолированности; универсальность Бальзака – в умении*

¹⁴ Сюрвиль Л. Бальзак, его жизнь и произведения по его переписке // Бальзак в воспоминаниях современников. М., 1986. С. 50.

¹⁵ Мы уважаем это желание Бальзака и, если читатель заметил, то мы всегда, используя полное имя, называем писателя Оноре де Бальзаком и никак иначе, – как он сам того хотел.

¹⁶ Баше А. Оноре де Бальзак. Человек и писатель // Бальзак в воспоминаниях современников. М., 1986. С. 241.

¹⁷ Бальзак Оноре де. Из письма от 14 ноября 1842 г.

¹⁸ Эккерман И.П. Разговоры с Гёте. М., 2003. С. 438.

¹⁹ Сиприо П. Бальзак без маски. М., 2003. С. 304.

свести всё многообразие познанного к одной идее. *Универсальность Бальзака – это глубина идеи.*

Нет, это совершенно два разных человека, говорим мы, и по внешности, и по характеру, и по отношению к друзьям, женщинам, свету, и в мировоззрении своём. Правда, и Гёте и Бальзак оба числились в коллекционерах. Но у Гёте коллекционирование носило систематический, методический характер и напоминало скорее методическое научное исследование. Для Бальзака же коллекционирование скорее выступало как забава или как вложение капитала, а исправно он коллекционировал лишь одни долги, причём такие крупные, которых хватило бы для того, чтобы «свалить» пятерых Гёте, который, как известно, долгов не имел. Перед нами два совершенно разных человека, и где же тут наша хваленая человеческая логика, когда этих двух кардинально разных людей мы называем одинаково – гениями? Но ошибки здесь никакой нет, и, несмотря на все свои различия, и Гёте и Бальзак очень похожи, и вот в чём.

Во-первых, они оба *фанатичные познаватели*, и у того и у другого главная страсть – это познание. Ни тот, ни другой не стремились никогда ни морализировать, ни поучать, что свойственно натурам недалеким, напротив, и тот и другой оставались у жизни вечными и пытливыми учениками. Во-вторых, каждый из них – это *“большой ребёнок”*, и тот, и другой, как утверждали многие проницательные современники, так до конца жизни оставались непосредственными, восторженными и во многом наивными, какими могут быть только дети. И, наконец, в-третьих, и того и другого роднит их *отношение к труду*. И для Гёте и для Бальзака труд это не обязанность, но жизненная необходимость, *творческий труд для них – это то главное, ради чего только и стоит жить*. И на основании этих трех факторов, мы можем теперь отбросить все наши сомнения и вполне обоснованно утверждать, что и Иоганн Вольфганг фон Гёте и Оноре де Бальзак, несмотря на всю несхожесть характеров и нравов, – это люди «одной крови», одного рода, представители которого заслуженно носят одно и то же имя – *имя гения*.

III

Париж, 1933 год. Вот уже более десяти лет этот молодой человек трудится, как каторжный на литературном парижском рынке и не гнушается никакой литературной поденщины. Но он *совершенно точно знает уже*, и давно уже *знает*, что он будет великим писателем Франции. Он знает уже,

что «всякий, кто хочет сделать крупное дело, должен избрать себе действительно крупный объект», но он не видит ещё, ещё не нашупал того объекта, который позволит ему совершить настоящий переворот не только во французской литературе, но и в литературе мировой. Но вот к 1833 г. Бальзак находит наконец этот свой объект, который становится для него настоящим «Абсолютом». Младшая сестра писателя, Лора Сюрвиль, которую Бальзак всегда искренне любил, обращался к ней за советами, делился жизненными и литературными планами, вспоминает, что однажды Бальзак зашёл к ней и радостно воскликнул: *«Поздравьте меня, я на верном пути к тому, чтобы стать гением»*, а затем изложил ей свой грандиозный план.

«Он решил создать “вторую Францию”, – общество, подобное тому, в котором он жил, – с его тружениками и бездельниками, врачами и нотариусами, ростовщиками, банкирами, каторжниками и художниками. Общество это должно быть изображено в серии романов, связанных друг с другом общими действующими лицами, постоянно возвращающимися в каждый новый роман из предыдущего. Приём “возвращения персонажей” был применен уже с 1834 года в “Отце Горю” и проведён во всех последовавших затем романах. Отныне Бальзак пишет одно произведение, состоящее из множества отдельных романов. Это произведение он назвал сперва “Этюдами о XIX веке” или “Этюдами о нравах”, а затем в 1843 году назвал окончательно “Человеческой комедией”»²⁰.

Послушаем самого Бальзака, раскрывающего свой план «Человеческой комедии» в одном из писем Эвелине Ганской: «Я полагаю, что в 1838 году три части этого гигантского создания будут если не завершены, то, по крайней мере, возведены друг над другом, и уже можно будет судить о нём в целом.

“Этюды о нравах” будут изображать все социальные явления, так что ни одна жизненная ситуация, ни одна физиономия, ни один характер, мужской или женский, ни один уклад жизни, ни одна профессия, ни один из слоёв общества, ни одна французская провинция, ничто из того, что относится к детству, старости, зрелому возрасту, к политике, правосудию, войне, не будет позабыто. <...>

Тогда последует второй ярус – “Философские этюды”, ибо после *следствий* надо показать *причины*. Я опишу в “Этюдах о нравах” игру чувств и те-

²⁰ Реизов Б.Г. Бальзак. Л., 1946. С. 5.

чение жизни. В «Философских этюдах» я объясню, откуда чувства, в чём жизнь, каковы стороны, каковы условия, вне которых не могут существовать ни общество, ни человек; и после того, как я окину взором общество, чтобы его описать, я займусь его обозрением, чтобы вынести ему приговор. Таким образом в «Этюдах о нравах» заключены типизированные индивидуальности; в «Философских этюдах» – индивидуализированные типы. Я всему придаю жизнь: типу, индивидуализируя его, индивиду, типизируя его. Я придаю мысль фрагменту; мысли же я придаю жизнь индивида.

Позднее, после *следствий и причин* придёт черёд «Аналитическим этюдам», ибо после *следствий и причин* должны быть определены *начала вещей*. *Нравы* – это спектакль, *причины* – это кулисы и механизмы сцены. *Начала* – это автор...<...> Таким образом, человек, общество, человечество будут без повторений описаны, рассмотрены и подвергнуты суждению в произведении, которое явится чем-то вроде «Тысячи и одной ночи» Запада. <...>

После того, как я покончу с поэтическим воссозданием целой системы жизни, я займусь её научным описанием в «Опыте о силах человеческих». И этот дворец я, дитя и весельчак, украшу огромной арабеской из «Ста озорных рассказов»! <...> Вот произведение, вот бездна, вот кратер, вот предмет, вот женщина, вот то, что поглощает мои дни и ночи...<...>

Наступит день, когда я закончу свой труд, и тогда мы, наконец, предадимся веселью. Но сегодня надо работать»²¹.

Бальзак действительно нашёл объект под стать своему таланту, а «Человеческая комедия» обессмертила его гений. Бальзак всегда *знал, что это будет*, но до поры до времени *не знал, как это будет*. Если хорошенько вдуматься в самую грандиозность этой идеи, то будет понятно, что такое под силу только человеку из рода гениев, каждый из которых в напряжённых трудах ищет и обязательно находит, кто раньше, а кто позже, этот свой уникальный, неповторимый, неподражаемый «абсолют», – творческий продукт своего гения.

Без малого двадцать лет как один день Бальзак выписывает, именно выписывает, свою «Человеческую комедию», где каждое слово, каждая фраза, каждый абзац стократно просеиваются сквозь предельно плотное сито авторской критики. Бальзак месяцами не выходит из своего рабо-

чего кабинета, оставляя лишь не более пяти-шести часов в сутки на сон и несколько минут на обед. А для того, чтобы быть всё время в тонусе и отогнать вполне естественные позывы ко сну, он выпивает за сутки может быть сорок, а может и пятьдесят чашек кофе. Кто же их считал? Зато его произведения можно подсчитать. Семьдесят четыре романа, не считая новелл и многочисленных очерков, написаны Бальзаком в эти неполные двадцать лет. «Сочинительство стало его жизнью. Он трудился над своими сочинениями с яростным упорством, в котором сравниться с ним не может ни один писатель. Даже вдали от этого кабинета, в салоне или путешествии, его терзала «ностальгия по чернильнице». Он действительно работал день и ночь»²². Писал новые и новые листы, правил корректуры, которые в очередной раз отправлял в типографию, чтобы при получении вновь и вновь не просто дополнить, но изменить до неузнаваемости первоначальный текст.

Так, например, менее чем за полтора года после опубликования «Шагреновой кожи» (1831) Бальзак напечатал сорок одну статью и новеллу, двадцать восемь из которых не вошли в «Человеческую комедию»²³, и это при том, что у него никогда не было ни добровольных, ни наёмных помощников, никаких секретарей, как, например, у Гёте, он никогда не привлекал к своим трудам никаких «литературных подёнщиков», как это практиковал, например, Александр Дюма. Десятки раз Бальзак переправлял корректуры своих произведений, тратя на это чуть ли не половину своих гонораров и совершенно не считаясь со временем. Это поистине сверхчеловеческий, гигантский, героический труд. «Труд полностью подчинил себе жизнь Бальзака..., он с лёгким сердцем приносил в жертву этому божеству житейские радости и развлечения... <...> ... он был рабом своего творчества, и рабом добровольным. При очень добром и очень нежном сердце ему был присущ эгоизм труженика»²⁴. «Ещё дней пятнадцать мне надо просидеть над «Шуанами»²⁵, –

²² Сиприо П. Бальзак без маски. М., 2003. С. 232.

²³ Там же.

²⁴ Готье Т. Из книги «Оноре де Бальзак» // Бальзак в воспоминаниях современников. М., 1986. С. 127.

²⁵ «Шуаны, из Бретань в 1799 году» (1829) – это первое произведение, которое Бальзак подписал своим именем, произведение, которое получило благоприятные отзывы со стороны критиков. «Шуаны» явились первым литературным успехом писателя.

²¹ Бальзак Оноре де. Собр. соч. Т. 23. М., 1960. С. 278-280.

писал Бальзак в одном из своих писем своей сестре, – до тех пор – меня нет», и добавляет, что отрывать его от трудов «было бы тоже самое, что помешать литейщику во время плавки»²⁶. Труд, постоянный труд – ничего более значимого и более святого нет и быть не может, – вот жизненное кредо Бальзака, которому он не изменял никогда, ни при каких обстоятельствах и ни на каких условиях.

Абсолютно все современники и исследователи жизни и творчества Оноре де Бальзака с глубоким чувством и искренним уважением описывают трудовой подвиг писателя. С этим не спорят даже те, кто иронически, насмешливо или недоброжелательно относились к Бальзаку, а таких, поверьте, было немало. Оценивая интенсивность и продуктивность его труда – все единодушны – в этом он далеко превзошел всех остальных, трудившихся на писательском поприще раньше или рядом с ним. Действительно, невероятное трудолюбие Бальзака не просто поражает, оно представляет собой совершенно *уникальный случай творческой продуктивности*. Уникален не только сам продукт труда, но и сам его процесс: продолжительность, организация, интенсивность, ритм и невероятный умопомрачительный темп. «Я должен создать за один месяц то, – говорит сам Бальзак, – что другие не могут завершить за год и даже за более длительный срок». И эти слова не расходились у него с делом. Вообще у Бальзака уникально абсолютно всё, что связано с его трудом и с его личным отношением к своему труду. Даже среди гениальных людей мало кто мог трудиться так же интенсивно, со столь невероятной продуктивностью и с такой же методичностью, как делал это Оноре де Бальзак. И этот уникальный случай требует особого и тщательного изучения.

Вот, например, что пишет один из самых талантливых из числа многочисленных биографов Бальзака – Стефан Цвейг: «Человек, казавшийся своим современникам безумцем, был в действительности самым дисциплинированным творческим умом эпохи. Человек, которого они высмеивали как безмерного расточителя, был аскетом с несгибаемым упорством анахорета, величайшим тружеником всей современной литературы. Гиперболизатор, которого они, нормальные и умеренные, высмеивают как бахвала и хвастуна, извлёк из

своего мозга больше, чем все его парижские коллеги, вместе взятые. Он был, конечно, единственным, о ком можно без преувеличения сказать, что он доработался до смерти. Календарь Бальзака никогда не совпадал с календарём его эпохи. Когда для других день – для него ночь, когда для других ночь – для него день. Не в обычном, будничном протекает настоящая жизнь Бальзака. Она идёт в его собственном, им самим сотворённом мире. И никто не знал, не наблюдал, не слышал истинного Бальзака, кроме четырёх стен, в которых протекало его добровольное заточение. Никакой современник не мог написать его подлинную биографию. Это сделали его книги»²⁷.

Представление о том, как интенсивно трудился Бальзак, и о его писательской технике можно получить из дружеского фельетона, опубликованного в газете «Фигаро» 15 декабря 1837 г., в котором рассказывается о том, как Бальзак в предельно короткие сроки и в неподражаемо оригинальной манере писал свой знаменитый роман «Цезарь Бирото»: «“Фигаро” обещало книгу к 15 декабря, Бальзак начинает её 17 ноября. Бальзак и “Фигаро” имеют странное обыкновение сдерживать своё слово, раз они его дали. Вскоре Бальзак присылает 200 страниц, набросанных в пять лихорадочных ночей. Его манера известна. Это набросок, хаос, апокалипсис, индусская поэма. Типография в ужасе. Срок короткий, почерк невероятен. Чудовище преображают, в большей или меньшей степени сводя его к общепринятым начертаниям. Но и сообразительный человек не понимает ничего. Уносят его автору. Две первых гранки автор возвращает, наклеив на них листы, огромные как афиша, как ширма. Вот от чего можно вздрогнуть или проникнуться состраданием! Вид у этих листов чудовищный. От каждого печатного знака, от каждого слова идёт черта, она змеится как ракета, и на полях рассыпается сверкающим дождем фраз, эпитетов, существительных, подчёркнутых, выправленных, надписанных, – ослепительное зрелище. Представьте себе четыреста-пятьсот арабесок в таком роде, они сплетаются, карабкаются вверх, переползают с одного края полей на другой, с юга на север. Представьте себе дюжину географических карт, где смешались все города, реки и горы. Это моток ниток, перепутанный кошкою, это иероглифы какой-то династии фараонов или фейерверк на двадцать праздников. От такого зрелища мало ра-

²⁶ Сюрвиль Л. Бальзак, его жизнь и произведения по его переписке // Бальзак в воспоминаниях современников. М., 1986. С. 59.

²⁷ Цвейг С. Бальзак. М., 1961. С. 174.

дости типографам. Наборщики бьют себя в грудь, печатники стонут, метранпажи рвут на себе волосы, корректоры теряют голову. Кто более понятлив, те набрасываются на гранки и узнают начертания персидского языка, другие – символические начертания Вишну. Правят, как придёт в голову, полагаясь на милость божию. На следующий день Бальзак присылает два листа на чистом китайском языке. До срока остаётся не более двух недель. Два следующих листа очень разборчиво написаны по-сиамски. Два наборщика теряют зрение и последние остатки речи. Корректуры странствуют таким образом от автора и к автору. Понемножку становится возможным уловить некоторые признаки настоящего французского языка, даже замечают кое-какую связь между фразами... И вот, тем не менее, точно в назначенный час готово двухтомное произведение, огромная картина, целая поэма, написанная и пятнадцатикратно исправленная Бальзаком в двадцать дней, расшифрованная, распутанная и пятнадцать раз перепечатанная в тот же промежуток времени. Оконченная Бальзаком в двадцать дней, несмотря на задержки типографов, оконченная типографией, несмотря на все задержки Бальзака»²⁸.

Подобный стиль создания своих произведений, когда Бальзак использовал типографию подобно пишущей машинке, не изобретённой ещё в то время, был, по-видимому, обычен для него. Писал Бальзак быстро, но нужно учитывать, что он долго вынашивал свои произведения, иначе в них и не было бы ни глубины, ни значительности. Замысел того же «Цезаря Бирото» Бальзак обдумывал более трёх лет²⁹. Точно таким же образом создавалось и другое его крупнейшее произведение «Утраченные иллюзии». Вот что об этом пишет современный Бальзаку художественный критик Этьен-Жан Делеклюз: «Первая корректура, принесённая Бальзаком в типографию, была огромным листом чистой бумаги, вверху которого было набрано примерно сорок строк. На следующий день эти сорок строк вернулись, окружённые двумя или тремя сотнями рукописных строк, в которых разрабатывался предмет, означенный в первых сорока, вдохновенно и с обилием мыслей...»³⁰. Над этим

произведением, состоящим из трёх романов, писатель трудился с 1839 по 1843 гг. и стиль работы над трилогией, когда корректура путешествовала из типографии к автору и десятки раз переделывалась Бальзаком, не изменялся от начала и до завершения всего произведения.

О том, сколько «макулатуры» Бальзак «перемарал» своим пером до 1829 г., об этом никому не дано узнать. Писал он всегда много, но вот подписывать свои произведения своим же именем он стал действительно с 1829 г. Бальзак недаром называл себя исследователем. Приступая к какому либо вопросу в своем романе, он всегда должен был основательно его изучить. Так, например, Мадлен Фаржо доказала, что когда Бальзак писал «Поиски Абсолюта», он читал восьмитомный «Трактат о химии» шведского химика Йенса Якоба Берцелиуса (1779–1848)³¹. А во время написания «Луи Ламбера» Бальзак штудировал не только труды Эммануэля Сведенборга, но и многих других писателей-мистиков. В библиотеке Бальзака всегда находились такие книги, интерес хозяина к которым всегда немало поражал его друзей. «Мои книги, – писал сам Бальзак, – это мои рабочие инструменты, я не могу их продать; вкус, который создает у меня во всем гармонию, не покупается (на беду богачам)»³².

И Бальзак выводит непреложное правило, да что там правило, – настоящий закон: «Постоянный труд есть закон как искусства, так и жизни», и не может гений, да что там гений, даже самый обычный человек не способен вне труда состояться как личность. Вне труда человек и не личность вовсе, а лишь *тип* в котором отражается его социальный статус, положение в обществе и его платежеспособность. По этим критериям человека оценивает общество, но личностная ценность человека определяется его трудом. И Оноре де Бальзак подтверждает этот закон не только своим примером, но и в своих произведениях он постоянно возвращается к этому правилу – только в труде приобретает человек всё то достоинство, которое определяет саму *человечность* человека. Одно несомненно, что сущность человека как *личности* всего глубже проявляется в его труде.

лет» // Бальзак в воспоминаниях современников. М., 1986. С. 155-156.

²⁸ Грифцов Б. Как работал Бальзак. М., 1937. С. 41-42.

²⁹ Роман этот Бальзак задумал ещё в апреле 1834 г. (См.: Бальзак в воспоминаниях современников. М., 1986. С. 491).

³⁰ Делеклюз Э.-Ж. Из книги «Воспоминания за шестьдесят

³¹ Сиприо П. Бальзак без маски. М., 2003. С. 303.

³² Сюрвиль Л. Бальзак, его жизнь и произведения по его переписке // Бальзак в воспоминаниях современников. М., 1986. С. 58.

Продолжая разговор об особых свойствах характера Оноре де Бальзака, заметим следующее. Несмотря на всю свою мягкость, редкостную житейскую непоследовательность, неосмотрительную откровенность, нежную чувствительность и чисто «детскую» непосредственность, он вдруг начинает проявлять необычную силу и непреклонность характера тогда, когда дело касается его призвания. Того призвания, о котором сам Бальзак всегда знал и всегда в него верил: и в девятнадцатилетнем, и в тридцатилетнем, и в пятидесятилетнем возрасте: «Я убеждён, что мне предстоит выразить некую идею, создать систему, заложить основы науки»³³. «Существуют призвания, которым нужно следовать, и некая непреодолимая сила гонит меня вперед, навстречу славе и могуществу»³⁴. Всегда очень отзывчивый человек, Бальзак становится вдруг непреклонным и несговорчивым, до дерзости смелым и независимым, предельно ответственным и до неправдоподобия честным, фанатически требовательным к себе и ко всем остальным, когда дело касается его творчества, его трудов и сохранения чистоты его идей. Мы знаем, какое большое значение Бальзак придавал своим корректурам, в которых он не просто исправляет, «но полностью перерабатывает и заново пишет свою книгу»³⁵. «Когда однажды некий редактор журнала осмеливается опубликовать продолжение романа, не дождавшись получения бесчисленных корректур и окончательной авторской визы, Бальзак навсегда прерывает с ним отношения»³⁶.

Когда дело касается его творчества, Бальзак непреклонен, это камень, который непросто сдвинуть с места. В то время, когда толпы кредиторов разыскивали его по всему Парижу, он отказывается от выгодного предложения издателя, который хотел приобрести право пожизненно издавать сочинения писателя. А ведь Бальзак, в случае его согласия на это предложение не только смог бы погасить свои огромные долги, но и получил бы постоянный и стабильный доход и избавился бы от необходимости поисков издателей для своих сочинений.

А вот ещё один характерный пример. В марте 1840 г. на сцене театра «Порт-Сен-Мартен» состо-

ялась премьера пьесы Бальзака «Вотрен», успех которой был предreshён, но произошла трагедия, о которой вспоминает Лора Сюрвиль: «Актёр, коему была поручена главная роль, без ведома директора и автора в сцене, где Вотрен появляется в облике мексиканского генерала, возымел идею скопировать одну весьма могущественную особу. Оноре сейчас же понял, что пьесу запретят. Я знала, на чём основан успех спектакля. Обеспокоенная взрывом, который должно было произвести крушение всех надежд брата, я наутро побежала к нему на улице Ришелье, где он снимал комнату, и нашла его в жесткой лихорадке. Я перевезла его к себе, чтобы удобнее было за ним ухаживать. <...> Приехал г-н... и сказал брату, что берёт на себя труд добиться для него хорошего возмещения убытков, если он согласится взять обратно «Вотрена», не дожидаясь мер со стороны властей, коим неприятно их предпринимать. – Милостивый государь, – отвечал ему брат, – запрещение «Вотрена» причинило бы мне большой ущерб, но я не приму денег в возмещение несправедливости; пусть мою пьесу запрещают, но сам я её из театра не заберу»³⁷.

И это в то время, когда Бальзак имел крупные долги. Вряд ли кто из талантливых драматургов тех времен отказался бы от такого предложения. Но не таков был Бальзак, он никогда не шёл на компромисс в тех случаях, когда дело касалось его дела, его творчества, его авторской чести. Действительно, каждый гениальный человек всегда способен на *поступок*, такой поступок, который может перечеркнуть все его общественные достижения, разрушить карьеру, привести к финансовому краху, но который *охранит его гений*. И гений всегда предпочтёт последнее, тогда как таланту бывают недоступны такие свершения, ведь преуспевание – это и есть главная его цель. Талант продаётся, гений – никогда!

IV

Трудно сказать в каком возрасте это произошло, но несомненно, что уже в отроческие годы Оноре Бальзак совершенно точно и определённо *узнал*, что он будет писателем, а *узнав это*, уже никогда собственно не отступал от этой цели, не сходил с избранного пути, хотя «блужданий» было немало. Даже когда он пытался переключиться на

³³ Цвейг С. Бальзак. М., 1961. С. 52.

³⁴ Там же. С. 135.

³⁵ Там же. С. 183.

³⁶ Там же. С. 185.

³⁷ Сюрвиль Л. Бальзак, его жизнь и произведения по его переписке // Бальзак в воспоминаниях современников. М., 1986. С. 100-101.

другую, не связанную с писательским трудом деятельность, а это неоднократно случалось в его жизни, неумолимое Провидение отбирало у него все возможности этим другим заниматься, уничтожало саму возможность таких занятий, и вновь усаживало его к письменному столу. И это происходило в соответствии с законом, который сам Бальзак многократно изложил в своих произведениях, тем законом, «согласно которому человек – мастер в своей сфере – становится тупицей, когда пытается проникнуть в сферу ему чуждую»³⁸. Впрочем, похоже, что сам Бальзак был только счастлив в связи с подобным развитием событий. Во всяком случае, его многочисленные коммерческие, политические и иные прожекты, которые рушились один за другим, не только не влияли отрицательно на его творческую деятельность, напротив, эти неудачи, которые начисто бы стёрли волю другого человека, и низвергли бы кого другого на самое дно жизни, только стимулировали трудоспособность, формировали талант и всемерно способствовали становлению гения Бальзака. И снова мы слышим слова Бальзака: «В трудах я забываю свои горести, труд – моё спасение».

Опыт многотрудной жизни Бальзака подтверждает ещё один закон: при стечении благоприятных обстоятельств даже кухарка может стать успешным политиком, а простой и никому неизвестный офицер – императором, но гений никогда не сможет продвинуться ни в политике, ни в карьере, ни в коммерции. Ведь это не его назначение. Но Бальзак будто бы этого не знает, будто бы он сам не писал о том, что истинный художник и светское общество несовместимы, что гений совершенно бездарен в тех делах, где других ждёт богатство и успех³⁹, однако сам упрямо нарушает узранные им законы. В 1848 г. Бальзак баллотировался в депутаты Временного правительства Франции, но его кандидатура провалилась, а в 1849 г. кандидатура Бальзака в Академию была забаллотирована аж дважды⁴⁰. Но вот что исключительным образом характеризует Бальзака – в 1839 г. он снял свою кандидатуру в Академию в пользу Виктора Гюго. Грандиозные коммерческие предприятия разных лет (организация типографии, попытка спекуля-

ции земельными участками, Сардинские серебряные рудники) не приносят ему ничего кроме колоссальных долгов, и Бальзаку «приходится штопать вновь и вновь возникающую прореху в мешке долгов, который он обречён тащить на себе всю свою жизнь»⁴¹. Но каждый раз, после очередного провала, Провидение вновь усаживает гения за рабочий стол – *сиди, трудись – в этом всё твоё назначение, и надобно исполнять его!* – как будто говорит Оно ему. И Бальзак трудится изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год: «Всегда одно и то же: ночь за ночью, и всё новые тома! И то, что я хочу воздвигнуть, столь возвышенно и необъятно». «Когда я не работаю над моими рукописями, я размышляю о моих планах, а когда не размышляю и не пишу, тогда я держу корректуру. В этом и есть моя жизнь». И в этом творческом порыве, в этом героическом труде, в который Бальзак погружается весь и без остатка, ничто ему уже не мешает, ничто не может его остановить или повернуть вспять. «Пусть другие раздумывают над его свойствами, восхваляют его или издеваются над ним, он идёт вперед – прямой, храбрый, весёлый, беззаботный, минуя все препятствия и горести, с беспечностью стихии»⁴².

Говоря о коммерческих предприятиях Бальзака, необходимо учитывать, что для него в этих начинаниях руководил не обычный в этих случаях инстинкт к обогащению, который правит людьми в их предпринимательской деятельности. В этом Бальзак видел лишь возможность финансовой независимости от семьи своих родителей, что, как он полагал, позволило бы ему спокойно предаваться своим литературным трудам. «Ах, будь у меня *корм*, – восклицает Бальзак, – поскорее удрал бы в свою конуру и писал бы книги, которые, быть может, останутся жить!»⁴³. Как и большинство других молодых людей, Бальзак думает о твёрдом положении в обществе, но только лишь «как о средстве к литературному успеху»⁴⁴. Лора Сюрвиль, сестра писателя, описывая коммерческие опыты Бальзака, ни один из которых, как мы знаем, не увенчался успехом, задаёт в своих мемуарах правомерный вопрос: «...не развился ли его талант именно под

⁴¹ Цвейг С. Бальзак. М., 1961. С. 164.

⁴² Там же. С. 150.

⁴³ Цит. по: Сюрвиль Л. Бальзак, его жизнь и произведения по его переписке // Бальзак в воспоминаниях современников. М., 1986. С. 50.

⁴⁴ Там же. С. 51.

³⁸ Цвейг С. Бальзак. М., 1961. С. 167.

³⁹ Бальзак Оноре. О художниках // Бальзак Оноре. Собр. соч. в 24 т. Т. 24. М.: Правда, 1960. С. 17–31.

⁴⁰ Сиприо П. Бальзак без маски. М., 2003. С. 498.

влиянием несчастья? Будь Бальзак богат и счастлив, сделался ли бы он пытливым исследователем человечества, смог бы узнать все его тайны, обнажить все чувства и с такой высоты судить о его бедствиях? Эта прозорливость великого человека, позволившая ему охватить все стороны человеческого духа, не куплена ли ценою многих страданий и постоянных горестей?»⁴⁵. Но при этом возникает еще один немаловажный вопрос, что случилось бы с Бальзаком, если бы одно из его коммерческих предприятий обогатило бы его, а ведь это было более чем возможно. Ответ здесь может быть только один – в этом случае человечество никогда не узнало бы такого великого французского писателя как Оноре де Бальзак.

Богатство и успех губят талант, тот талант, который сам притягивает к себе и успех и богатство. И только один гений способен противостоять удобствам богатства и обманчивому блеску успеха, – гений отталкивает их, и Провидение стоит здесь на страже. Провидение оберегает гения от печальной судьбы таланта, который, начиная купаться в лучах славы и лоснящийся от довольства преимуществами преуспевания и безбедной жизни, сам себя губит, предавая свой талант в угоду успеху, славе и богатству. Судьба ведёт талант от блеска к забвению. С гением все иначе. Провидение даёт гению возможность приобрести необходимый ему опыт жизни и практической деятельности, но как только этого опыта становится достаточно, или жизнь гения начинает противоречить его назначению, происходит нечто такое, что гений не может не вернуться к своим трудам. Иначе и быть не может, ведь *гений находится под особым водительством духа*.

Известно, что сам Бальзак называл себя *доктором социальных наук*, а объектом его исследования, по его собственным словам, являлись: человек, общество, человечество. Поистине, грандиозный объект – под стать грандиозному уму, каким и обладал этот «могучий и неутомимый труженик, этот философ, этот мыслитель, этот поэт, этот гений...»⁴⁶. Бальзак прожил очень недолгую жизнь, но он *создал* целый мир и *прожил* тысячи жизней, и этот мир был для него даже более реален, чем то место в своём кабинете с которого этот мир был сотворён. В произведениях Бальзака выведено более

двух тысяч персонажей, каждый из которых имеет цельный характер, причём характер не застывший, не статуарный, а претерпевающий своё становление от произведения к произведению, собственно так же, как это и происходит в жизни. Как подходят к Бальзаку следующие слова Генриха Гейне: «В созданиях всех великих поэтов, в сущности, нет второстепенных персонажей, каждое действующее лицо есть на своем месте главный герой».

Многие писатели обладают свойством персонификации, т.е. способностью перевоплощаться в своих героев и с огромной силой переживать всё происходящее с ними. Так, например, Гюстав Флобер, утверждал, что героиня его романа Жанна Бовари – это и есть он сам: «Жанна Бовари – это Я!», и, описывая ее смерть от яда, сам почувствовал признаки отравления и вынужден был обратиться к врачу. Александр Дюма носил траур и со слезами на глазах говорил: «Сегодня умер мой Портос!» в тот день, когда описал смерть своего любимого героя. Но для Бальзака, созданный им мир был не просто персонификацией, он был более чем реален. Для Бальзака все его герои были реальными и живыми людьми, со всеми их достоинствами и недостатками, озарениями и предрассудками, преступлениями и великими деяниями и он нисколько бы не удивился, если бы его герои стали вдруг наносить ему визиты. очевидцы рассказывают, что в бреду перед смертью Бальзак призывал Ораса Бьяншона, врача, которого в своей «Человеческой комедии» он заставлял творить чудеса: «Будь Бьяншон здесь, он бы меня спас!»⁴⁷. И Бальзак действительно этому верил, призывал и ждал своего Бьяншона, так же как он верил и ждал своего Христа!

Пьер Сиприо назвал Бальзака «католиком из добропорядочности»⁴⁸, видимо, желая этим подчеркнуть очень своеобразное отношение писателя к религии. Но вот чего не заметил никто даже из самых маститых исследователей творчества Бальзака, так это *совершенно особого, непосредственно-восторженно-детского и потому не только откровенного, но и самого верного отношения Бальзака к личности Самого Иисуса Христа*, – такого отношения, которое мы находим только лишь в самих Евангелиях. Это редкое чувство Иисуса Христа, – и Бога, и человека, в неразрывности этого единства, такое чувство, как будто бы

⁴⁵ Там же. С. 53-54.

⁴⁶ Слова из траурной речи Виктора Гюго на похоронах Оноре де Бальзака.

⁴⁷ Цвейг С. Бальзак. М., 1961. С. 473.

⁴⁸ Сиприо П. Бальзак без маски. М., 2003. С. 496.

сам Бальзак не раз сталкивался с Самим Христом, говорил с ним и проводил с ним достаточно длительное время. Сказанное ясно прочитывается в произведениях Бальзака.

В 1830 г. в трёх номерах парижской газеты «Силуэт» вышел очерк с привлекающим внимание названием «О художниках». В этом очерке молодой и ещё никому неизвестный Оноре Бальзак проводит исключительное по своей содержательности исследование личности и особенностей творчества истинного художника-творца⁴⁹. Это небольшое произведение, носящее все признаки философского трактата, имеет ещё и ту ценность, что выделяет важнейшие моменты творческого акта гения – самого Оноре де Бальзака. Но речь сейчас не об этом. В названном очерке сам Бальзак рассматривает художника и как творца и как творение, а величайший образец высшей добродетели для Бальзака ни кто иной, как Сам Иисус Христос: «Человек и Бог: сначала человек, потом Бог; человек для большинства, Бог для немногих, оставшихся ему верными; непонятый, а потом обожаемый всеми; и, наконец, ставший Богом, лишь приняв крещение в собственной крови»⁵⁰. Христос для Бальзака – истинный образец истины, любви и жертвенности, а гений – это тот, кто вслед за Христом, сознавая того или не осознавая, осуществляет «апостольское служение», которое подкрепляется верой художника в свой гений, и, вместе с тем, «навлекает на них тяжкое обвинение, выдвигаемое против них всеми людьми, неспособными мыслить»⁵¹. Важно отметить, что в этих словах чувствуется уже глубокое понимание той роли, которое имеет в творчестве гения религиозное чувство, которое мы называем верой. Вера не просто символ, не просто отношение, вера для Бальзака очень реальная, осязаемая и *весомая связь человека с Самим Богом*. Художник – это творение и творец, говорит Бальзак, – это «апостол некоей истины», жребий его предопределен Всевышним, и все достоинства его творчества есть не что иное, как *путь*, который он открывает для всех, для всех без исключения живущих на земле людей. И кто способен видеть, тот увидит, что Бальзак очень реально и вместе с тем очень тонко

не только чувствует, но и причастен этой связи и тому пути, о котором автор только пока намекает, ещё не умея или пока не желая сказать об этом яснее. Но уже очень скоро Бальзак выскажется об этом уже более прозрачно и вполне определённо. Поистине, у гения и не может быть иначе.

В новелле «Иисус Христос во Фландрии» (1831) Бальзаку удалось показать, как в Иисусе Христе, – Боге и человеке, – гармонично и нераздельно присутствует и проявляет себя и Божественная и человеческая природа. Вот он, Всемиловитивый Бог, ведёт за собой людей, проникшихся верой к Нему, по бурному морю, и люди ступают за Ним по волнам с такой же лёгкостью, как они ходят по твёрдой земле: «Огромные волны расступались на их пути, словно чья-то непобедимая сила укрощала океан»⁵². И вот, люди уже обрели спасение, они достигли твёрдой земли и уже обогрываются и сушат свою одежду в рыбацкой хижине, они оглядываются, «ища глазами своего светлого проводника», но Его нет уже рядом с ними, он сидит уже на скале и смотрит, как волны вынесли на берег упрямого рулевого, уцепившегося за корабельную доску. «Тогда человек спустился со скалы, поднял полумёртвого рулевого и, простерши милосердную длань над его головой, промолвил: – На этот раз пусть будет так, но впредь поостерегись, а не то послужишь слишком дурным примером!»⁵³. И Иисус-человек взваливает тяжёлое тело моряка на плечи точно так же, как это сделал бы другой, обычный человек, и несёт моряка на своих плечах к хижине, и также как поступил бы другой, обычный, человек, он просит всех остальных спасшихся приютить мятежного моряка у весело горящего огонька: «Он постучал в дверь и попросил, чтобы несчастного впустили в скромное убежище; свершив это, Спаситель исчез». Вдумайтесь в этот очень простенький, но при этом очень глубокий по смыслу сюжет, а лучше всего, прочитайте саму новеллу, и вы поймете, что Бальзак очень хорошо знал своего Иисуса Христа, может быть знал не менее, чем сам св. Апостол Павел.

V

«Луи Ламбер». Одно из первых произведений, заставивших французских ценителей литературы обратить внимание на творчество ещё мало кому

⁴⁹ Подр. см.: Чернов С.В. Гений как художник, как мыслитель, как творец // Психология и психотехника. 2011. № 1(28). С. 34-44.

⁵⁰ Бальзак Оноре. О художниках // Бальзак Оноре. Собр. соч. в 24 т. Т. 24. М.: Правда, 1960. С. 26.

⁵¹ Там же. С. 27.

⁵² Бальзак О. Иисус Христос во Фландрии // Бальзак О. Собр. соч. в 24 т. Т. 19. М.: Правда, 1960. С. 36.

⁵³ Там же. С. 37.

известного Оноре де Бальзака, – относительно небольшая по объёму повесть «Луи Ламбер» была впервые опубликована в 1832 г. в «Новых философских рассказах». Главный герой, сначала мальчик⁵⁴, а затем мужчина, проходит все этапы становления своего гения и достигает наивысшего накала мысли в познании человеческого и божественного миров. Но под воздействием «маниакальной страсти, одной навязчивой идеи, способной убить человека», погружается в бездну небытия, в безумие, которое в конечном итоге приводит его к гибели. Бальзак придавал огромное значение этому произведению, многократно переделывал и дополнял его. В 1846 г. «Луи Ламбер» вошел в «Философские этюды» первого издания «Человеческой комедии». В письме к своей сестре Лоре Сюрвиль Бальзак писал: «"Луи Ламбер" стоил мне большого труда! Сколько мне пришлось перечитать разных книг, чтобы написать эту повесть!»⁵⁵. В частности он излагает многие идеи христианского откровения вперемешку с принципами натурфилософии и идеями шведского философа-мистика Сведенборга, который утверждал возможность духовного существования вне зависимости от телесно-душевной жизни.

«Эту книгу, – сообщает Бальзак в письме Эвелине Ганской, – я написал для себя и немногих других»⁵⁶, подтверждая тем самым высокую ответственность гения и его ориентацию на *избранных*, способных понять высокий смысл творческих поисков гениального человека. Гюстав Флобер, который прочитал «Луи Ламбера» только в 1852 г., был потрясён, «узнав» в этом герое себя⁵⁷. Надо здесь сказать, что немало гениальных людей могли бы узнать в Луи Ламбере себя. Взять хотя бы его любовь к чтению в детском возрасте, которой мальчик отдавался весь и без остатка: «...он с раннего утра брал хлеб и книги и отправлялся читать и размышлять в лесную чащу, чтобы избежать наставлений матери,

которой такие упорные занятия казались опасными. <...> С этого времени чтение для Луи стало чем-то вроде жажды, которую ничто не могло утолить; он поглощал книги любого рода и в равной мере питался сочинениями религиозными, историческими, философскими, физико-математическими. Он говорил мне, что испытывал несказанное наслаждение, читая словари, если не было под рукою других книг...»⁵⁸. Ну разве не узнал бы самого себя в этом фрагменте Ломоносов, если бы ему удалось прочесть эти строки, разве бы не воскликнул бы он: «Ну, словно бы так, как и я сам...». Вспомним, как Ломоносов в детстве читал и перечитывал все те немногие книги, которые были ему доступны и при этом так же, как и Ламбер, прятался для чтения в удаленных местах, скрываясь от мачехи, которая не одобряла эти занятия юного Ломоносова.

У Бальзака был уникальный дар, он умел впитать и переварить в своём созидательно-творческом уме совершенно, казалось бы, несвязные и независимые вещи. Там, где на какое-либо событие никто не обращал внимания, Бальзак напротив жадно бросался за его изучение с аппетитом изголодавшегося по новостям парижанина, пробывшего много лет где-нибудь вдали от цивилизации; и мелкий, казалось бы, факт преображался под бальзаковским пером в целостную и красочную картину. И таких живописных фрагментов в произведениях Бальзака тысячи. Синтетический склад ума писателя был просто поразителен, он обладал глубочайшим знанием людей и вещей и мог все это живописно изобразить. Ипполит Тэн очень верно подметил, что все, абсолютно все произведения Бальзака, содержат *общие идеи*, отражающие сущностные основания и наиболее яркие особенности вещей и явлений, т.е. идеи, без которых «учёный не более как ремесленник», а «художник не более, как дилетант, забавляющий общество»⁵⁹, и таких идей у Бальзака было великое множество. Понятно, что без подобных идей литература сама по себе была бы просто бессмысленной забавой, примерно такой же бессмысленной, как и чтение газет, о вреде чтения которых, и не без основания, предупреждал ещё профессор Преображенский⁶⁰. Среди

⁵⁴ В основу описания юношеских лет Луи Ламбера Бальзак положил воспоминания о событиях своей юности: о времени учения в Вандомском колледже, о первых неудачных литературных опытах, об истории собственного умственного развития и духовного становления. Эти страницы повести представляют собой психологическую правду высокой жизненной силы. О чём, в частности, писал в письме Бальзаку французский художник Эжен Делакруа.

⁵⁵ Бальзак О. Собр. соч. в 24 т. Т. 19. М.: Правда, 1960. С. 322.

⁵⁶ Там же. С. 322.

⁵⁷ Цит. по: Бальзак в воспоминаниях современников. М., 1986. С. 522.

⁵⁸ Бальзак О. Луи Ламбер // Бальзак О. Собр. соч. в 24 т. Т. 19. М.: Правда, 1960. С. 209-210.

⁵⁹ Тэн Ипполит. Бальзак. Этюд / Пер. С. Шклявера. СПб.: Издание Я. Бермана, 1894. С. 94.

⁶⁰ Профессор Преображенский – главный герой повести М. Булгакова «Собачье сердце».

множества идей, своих собственных и идей других мыслителей, творчески переработанных Бальзаком, и которые он высказывает через Луи Ламбера, заинтересованный и внимательный читатель, несомненно, обнаружит такие, которые заставят его надолго задуматься, и, возможно он поймет нечто такое, о чем раньше даже не помышлял.

Может в этом и заключается для нас притягательность творчества самого создателя Луи Ламбера – Оноре де Бальзака, может в этом и заключается сам *смысл бытия гения Бальзака*, который продолжает жить среди нас своей жизнью, может быть ещё даже более реальной, чем при жизни самого обладателя этого гения?

«Поиски абсолюта». Летом 1834 г., когда Париж плавился от жары, Бальзак начинает, и, трудясь без перерыва по 18 часов в сутки, менее чем за три месяца завершает одно из самых значительных своих произведений «Поиски Абсолюта» – роман «об ученых, занятых разгадыванием тайн и вступающих в противоречие с природой»⁶¹. Главный герой романа – богатый дворянин, 50-летний Вальтасар Клаас, жертвует всем своим состоянием и имуществом (включая богатый дом во Фландрии), доводит свою семью до нищеты и всё только ради того, чтобы запершись на чердаке, где им была оборудована физико-химическая лаборатория, без помех заниматься поисками некоего «призрачного Абсолюта»⁶².

Жена Вальтасара, кроткая восхитительная женщина, угнетённая необходимостью выплаты долга в триста тысяч франков, умирает от болезни, во многом спровоцированной постигшем ее несчастьем. Дважды она пыталась отговорить мужа от продолжения своих затратных опытов, опираясь на авторитет любящей и любимой жены. Но её усилия оказываются тщетны: «...ты умер для всего. Я вижу, наука в тебе сильнее тебя самого, ты улетел с нею слишком высоко, чтобы когда-нибудь спуститься с высоты. <...> Вся жизнь для тебя в науке. У великого человека не должно быть ни жены, ни детей. Идите в одиночестве путями нищеты! Ваши добродетели – не те, что у обыкновенных людей,

вы принадлежите всему миру и не можете принадлежать ни жене, ни семье. Возле вас сохнет земля, как возле больших деревьев!»⁶³. Замечательные слова. Тот, кто их написал, знал, о чём он говорил. Он знал необузданный нрав гения, его полное безразличие ко всему окружающему тогда, когда тот погружён в своё дело, очень хорошо знал это состояние Бальзак, поскольку сам много раз, ежедневно и ежечасно испытывал то же самое.

Бесперывный изнурительный труд, в котором нет уже ничего иного кроме самого этого труда, нет никаких других помыслов, никаких других желаний, нет никаких сомнений, и только призрачная цель маячит перед тобой где-то там, в самом далеке, и нельзя её поймать, нельзя в этот миг её ухватить, но это не причина, это не повод, чтобы бросать этот марафон, эту неистовую гонку, этот безумный труд. Нельзя бросить своих поисков, когда цель, казалось бы, так близка и так одновременно далека от тебя. Но ты должен, ты просто обязан идти к ней и добиваться её. Ты знаешь, что она где-то рядом. Ты ищешь и ждёшь, ты безумствуешь и сокрушаешь горы, ты пересеиваешь грунт только ради одной такой малой, такой незаметной, но такой желанной песчинки. *И в этом всё твоё назначение!* И как же ты можешь от этого отказаться? И как же этого можно не знать? И как же другие могут этого не понимать?

Бальзак очень хорошо знал о том, о чём он писал в «Поисках Абсолюта». Ведь только гений только и может понять гения. Но то, что понятно для гения, непонятно, безумно, дико для всех других людей, и людей не только далёких гению, но и самых ему близких, которые вдруг перестают узнавать уже этого человека, который только вчера, ещё недавно был совсем близким, другим, но сегодня он уже не он, не тот вчерашний, он уже принадлежит не этому, но иному миру, реальность которого очень хорошо известна только ему одному, но неизвестна ещё никому другому. Его удел – одиночество, но это самое лучшее, что может его ожидать, но на деле всё может обернуться значительно сложнее и даже значительно ужаснее.

Вальтасар Клаас, раньше очень уважаемый и почтенный гражданин, увлекшись своими изысканиями, за сравнительно небольшое время становится для общества изгоем (помните, Бальзак писал об этом ещё в очерке «О художниках»). И уже

⁶¹ Сиприо П. Бальзак без маски. М., 2003. С. 302.

⁶² Под «абсолютом» в то время понимали некую уникальную субстанцию, предмет изучения алхимии, либо «вещь в себе» (по Канту), независимую от априорной формы пространства и времени (Там же. С. 302). У Бальзака в его романе, Абсолют, поисками которого занимается главный герой, приобретает, похоже, оба названных значения.

⁶³ Бальзак О. Поиски Абсолюта // Бальзак О. Собр. соч. в 24 т. Т. 20. М.: Правда, 1960. С. 72; 108.

уличные мальчишки потешаются над Клаасом, обзывая его колдуном и готовы уже побить камнями, а ведь не так давно родители, возможно, ставили его в пример своим детям. И только старый слуга до самого последнего дня остаётся беспредельно верен своему господину. Да, незавидна участь гения, особенно тогда, когда гений граничит уже с безумием (на взгляд обыкновенных людей). Мы видим всё это в романе Бальзака так же явственно, как мы видим это и в самой жизни гениальных людей. Здесь несомненно одно, – в гении Клааса автор описал свой собственный гений. Весь фанатизм, безумие, беспредельная поглощённость своим трудом, которые Клаас демонстрировал у себя в лаборатории, Бальзак так же демонстрировал при писании своих бесчисленных произведений. Разница лишь в одном. В научно-алхимических изысканиях Клааса объект и предмет его труда совпадали, тогда как у Бальзака при единстве объекта, предметов исследования было множество, и лишь только в этом мы видим различие, во всём остальном Вальтасар Клаас есть не что иное, как глубоко исследованный и блестяще описанный гений самого автора, – это оживший и представший перед нами на страницах романа *гений* самого Бальзака.

Но в романе, кроме этой центральной линии *парадоксальности жизни и творческой деятельности гения* прорабатывается ещё несколько сюжетных линий. Да, Бальзак представляет Вальтасара Клааса гением, но в той же мере он представляет его вначале любящим мужем и предельно заботливым отцом, а затем – безумцем и фанатиком. Это вторая линия в романе – линия любви и её трагической развязки. Третья линия – это линия науки: «В своём прекрасном исследовании «Бальзак и «Поиски Абсолюта»» Мадлен Фаржо показала, что к идее создания романа... Бальзак подступался исподволь. Он знакомился с трудами известных учёных, в числе которых особенно выделял Бернара Палисси (1510–1584). Этого человека, увлекавшегося изготовлением керамики, геологией, эмалью, первобытной историей и ботаникой, видного путешественника, создавшего кабинетный музей естественной истории, Бальзак считал едва ли не ясновидцем. <...> Выяснилось, что роман Бальзака содержит целый ряд верных гипотез. Так, солнечная печь Монлуи весьма напоминает аппарат, который сконструировал у себя на чердаке Клаас. То, что Бальзак называл «состояниями электричества», сегодня именуют разницей потенциалов. Опыт, о котором мечтал Бальзак, был поставлен в

1960 году в химической лаборатории Политехнической школы»⁶⁴.

Отмечая выдающуюся особенность Бальзака проникать в сущность вещей и явлений, П. Сиприо пишет следующее: «Писатель... обладает властью рассматривать вещи и явления с разных точек зрения и объединить их по собственному усмотрению. <...> Настоящий писатель держит у себя в голове целый мир, и потому легко находит связи между самыми разными явлениями»⁶⁵. Но дело здесь, видимо, не только в собственно писательском таланте Бальзака, каковым, как мы знаем, обладают многие, главное, видимо, в другом. Гении невероятно требовательны к своему делу (Платон, Леонардо да Винчи, Блэз Паскаль, Оноре де Бальзак, Лев Толстой), так как если бы они создавали некий Абсолют. Они соблюдают исключительную чистоту и проявляют предельную честность к своим исследованиям, изысканиям и трудам. Гении никогда не променяют истину ни на какие богатства мира. Напротив, они готовы отдать все свои богатства, да и не только свои, чтобы только иметь возможность заниматься *делом своей жизни*. И эти особенности творческой жизни гения ярко, объёмно и правдиво описаны Бальзаком в романе «Поиски Абсолюта».

По большому счёту, все творцы, подобно бальзаковскому Вальтасару Клаасу, занимаются поисками некоего *абсолюта*, а стремление ко всё большему совершенству является характерной особенностью всех гениальных людей. Для большинства других людей – «обыкновенных», как их называет сам Бальзак, такие поиски предельно непонятны и потому кажутся бессмысленными, безумными, зачастую вселяют страх и потому отторгаются на этапе создания творения. Одно несомненно, что в «Поисках Абсолюта» скрыт настоящий «философский камень» гениальности, причём такой камень, который при предельной чистоте и простоте своей сущности имеет столько граней, загорающихся миллионами разноцветных отблесков, сколько и тот бриллиант, который случайно был получен Клаасом в лаборатории, причём в ситуации, когда сам изобретатель хотел покончить жизнь самоубийством. Самоубийство не состоялось, но случайно спровоцированная электрохимическая реакция создала огромный бриллиант. Сама

⁶⁴ Сиприо П. Бальзак без маски. М., 2003. С. 302-304.

⁶⁵ Там же. С. 305-306.

фабула этого эпизода поразительно символична. Ведь мы знаем уже, что случайностей не бывает, как хорошо знал об этом и сам Бальзак. В этом и заключается вся творческая жизнь гения, жизнь на «лезвии бритвы».

Теперь мы понимаем, что, по крайней мере, в этих двух своих произведениях, Бальзак вывел в образах главных героев самого себя. И это, безусловно, гениальные персонажи. Один из них, Луи Ламбер, – вначале уникально одарённый ребенок, а в впоследствии – мистический гений, высказывающий пусть спорные, но, вне всякого сомнения, гениальные идеи о Боге, человеке и мироздании. Другой, Вальтасар Клаас, – богатый голландский дворянин, счастливый в своей любви к прекрасной жене и детям, и сам вполне окруженный ответной любовью, но который, однако, увлечшись алхимическими опытами, в непрерывных поисках Абсолюта забывает о своих обязанностях мужа, отца, рачительного хозяина, что и приводит, в конечном итоге, имение в упадок, жену – к преждевременной смерти, а самого гениального алхимика – к издевательствам и насмешкам толпы. В образе Класа в одном лице соединились средневековый алхимик, учёный нового времени, феноменальный маньяк и гений. Этот персонаж уникален, а его судьба так же трагична, как и судьбы многих реальных гениальных людей. Оба этих героя, – как Луи Ламбер, всё более и более погружающийся в созерцание сущего в его бытии, так и Вальтасар Клаас, месяцами не выходящий из своей лаборатории, устроенной в мансарде, – также жертвенны, так же неистовы в своих трудах, *также не могут, даже если бы и хотели, изменить назначению своему*, как и сам автор, давший им жизнь. И если бы сам Бальзак не трудился столь самозабвенно, как Вальтасар Клаас, не был бы также беспредельно жертвенен ко всему, что не относится к создаваемому его сознанием миру, как Луи Ламбер, то трудно было бы поверить, что такое упоение трудом, такая отрешённость сознания от всего внешнего и временного, вообще возможны.

Оба названных произведения занимают центральное место в «Философских этюдах» «Че-

ловеческой комедии», и по праву, поскольку по сути своей они посвящены не чему иному, как литературно-философскому исследованию человеческого гения, проведенного на примере гения Бальзака самим его обладателем – Оноре де Бальзаком.

Бальзак создал не только «Человеческую комедию», он создал особый прецедент в истории человеческого гения, который можно смело назвать феноменом Бальзака, – уникальный нравственный и воспитательный пример. Не только своим творческим наследием, но и своим уникальным примером безумно напряжённого труда, Бальзак показал высочайшую роль творческого труда как такового, который может и должен быть исключительной *ценностью для личности и настоящим смыслом человеческой жизни*. Благодаря своему трудовому подвигу, а также личному примеру, который со всей очевидностью показывает, что *человеческий гений есть становящееся*, великий Оноре де Бальзак навечно останется в анналах всемирной истории человеческого гения.

Таким образом, анализируя творческую жизнь Оноре де Бальзака, мы вывели на его примере достаточно целостный и яркий образ личности гения, опираясь на те феномены, которые позволяют нам лучше понять и объёмно описать особенности личности гениального человека. Несомненно, что предпринятая в настоящем труде очередная попытка представить новый взгляд на проблему гениальности, как проблему не просто психологическую, но прежде всего философско-антропологическую, такую проблему, без разрешения которой невозможно глубокое понимание сущности человека вообще (ведь именно вершинные состояния духа, к которым как раз и относится гениальность, наиболее ярко освещают тот микрокосм, который мы называем человеком), послужит ещё одной ступенью для наших будущих изысканий в рамках характерологии гениальности, как нового оригинального направления русской философской антропологии.

Список литературы:

1. Бальзак Оноре. Иисус Христос во Фландрии // Бальзак О. Собрание сочинений в 24 т. Т. 19. М.: Правда, 1960. С. 27–37.
2. Бальзак Оноре. Луи Ламбер // Бальзак О. Собрание сочинений в 24 т. Т. 19. М.: Правда, 1960. С. 208–316.
3. Бальзак Оноре. О художниках // Бальзак О. Собрание сочинений в 24 т. Т. 24. М.: Правда, 1960. С. 17–31.
4. Бальзак Оноре. Поиски абсолюта // Бальзак О. Собрание сочинений в 24 т. Т. 20. М.: Правда, 1960. С. 5–189.
5. Бальзак Оноре. Собрание сочинений в 24 т. Т. 23. М.: Правда, 1960. 376 с.

6. Баше А. Оноре де Бальзак. Человек и писатель // Бальзак в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1986. С. 234-242.
7. Бердяев Н.А. О назначении человека // Бердяев Н.А. О назначении человека. О рабстве и свободе человека. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. (Philosophy). С. 266-637
8. Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 668 с. (Philosophy).
9. Бердяев Н.А. Проблема человека. К построению христианской антропологии // Путь. 1936. № 50. С. 3-26.
10. Гальтон Ф. Наследственность таланта, ее законы и последствия. СПб.: Ред. журн. «Знание», 1875. 315 с.
11. Гегель Г.В.Ф. Эстетика: в 2 т. Т. 1. 2-е изд. стер. СПб.: Наука, 2007. 623 с. (Сер. «Слово о сущем»).
12. Готье Т. Из книги «Оноре де Бальзак» // Бальзак в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1986. С. 108-136.
13. Гримак Л.П. Предисловие // Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство / Общ. ред., предисл. проф. Л.П. Гримака. М.: Республика, 1996. С. 5-15. (Б-ка этической мысли).
14. Гуревич П.С. Философская антропология. М.: Омега-Л, 2010. 607 с.
15. Гуревич П.С. Философская интерпретация человека (К 80-летию проф. П.С. Гуревича). СПб.: Петроглиф, 2013. 428 с.
16. Грифцов Б. Как работал Бальзак. М.: Советский писатель, 1937. 157 с.
17. Делеклюз Э.-Ж. Из книги «Воспоминания за шестьдесят лет» // Бальзак в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1986. С. 155-156.
18. Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. 367 с. (История эстетики в памятниках и документах).
19. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. Харьков: Фолио; М.: «Издательство АСТ», 2000.
20. Ремизов Б.Г. Бальзак. Л.: Изд-во ЛГУ, 1946.
21. Сиприо Пьер. Бальзак без маски / Пер. с фр. Е.А. Сергеевой. Вступ. статья А.П. Левандовского. М.: Молодая гвардия, 2003. 503 с.: ил. (Жизнь замеч. людей: Сер. Биогр.; Вып. 840).
22. Сюрвилль Л. Бальзак, его жизнь и произведения по его переписке // Бальзак в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1986. С. 22-101.
23. Тахо-Годи А.А. Лосев. 2-е изд., испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 2007. 534 с.: ил. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1076).
24. Тэн Ипполит. Бальзак. Этюд / Пер. С. Шклявера. СПб.: Издание Я. Бермана, 1894. 109 с.
25. Цвейг С. Бальзак / Пер. с нем. Александра Голембы. Под ред. Е. Закс. М.: Молодая гвардия, 1961. 496 с. («Жизнь замечательных людей». Серия Биогр.; Вып. 6(320)).
26. Чернов С.В. Книга о гениальности. Т. 1. Человеческий гений: Природа. Сущность. Становление. Воронеж-М.: Изд-во Института духовной культуры, 2010. 562 с.
27. Чернов С.В. Диалектика и феноменология человеческого гения // Научные труды Института духовной культуры и свободного творчества. Выпуск первый (№ 1/2011). Воронеж-М.: Изд-во Института духовной культуры, 2011. С. 99-142.
28. Чернов С.В. Гений как художник, как мыслитель, как творец // Психология и психотехника. 2011. № 1(28). С. 34-44.
29. Чернов С.В. Проблема гениальности в контексте философской антропологии // Философия и культура. 2013. № 12(72). С. 1757-1769. (DOI: 10.7256/1999-2793.2013.12.9382).
30. Чернов С.В. Характерология гениальности: Феномен поступка // Научные труды Института Непрерывного Профессионального Образования. Выпуск третий (№ 3/2014) / Под ред. проф. С.В. Чернова. М.: Изд-во Института непрерывного профессионального образования, 2014. С. 279-323.
31. Шеллинг Ф.В. Философия искусства. М.: Наука, 1966.
32. Шопенгауэр А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1: Мир как воля и представление / Под ред. А. Чанышева. М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 2001. 496 с.
33. Эккерман И.П. Разговоры с Гёте / Пер. с нем. Н. Холодковского. М.: Захаров, 2003. 448 с. (Серия «Биографии и мемуары»).
34. Эфроимсон В.П. Генетика гениальности. Изд. 3-е. М.: Тайдекс Ко, 2004. 376 с. (Библиотека журнала «Экология и жизнь». Серия «Устройство мира»).
35. Гуревич П.С. Постигание человека через артефакты культуры // Философия и культура. 2014. № 6. С. 916-918. (DOI: 10.7256/1999-2793.2014.6.12263).
36. Консон Г.Р. Рафаэль де Валантен Оноре де Бальзака – жертва катастрофизма или его носитель? // Философия и культура. 2014. № 7. С. 1038-1046. (DOI: 10.7256/1999-2793.2014.7.12174).

References (transliteration):

1. Bal'zak Onore. Iisus Khristos vo Flandrii // Bal'zak O. Sbranie sochinenii v 24 t. T. 19. М.: Pravda, 1960. S. 27-37.
2. Bal'zak Onore. Lui Lamber // Bal'zak O. Sbranie sochinenii v 24 t. T. 19. М.: Pravda, 1960. S. 208-316.
3. Bal'zak Onore. O khudozhnikakh // Bal'zak O. Sbranie sochinenii v 24 t. T. 24. М.: Pravda, 1960. S. 17-31.
4. Bal'zak Onore. Poiski absolyuta // Bal'zak O. Sbranie sochinenii v 24 t. T. 20. М.: Pravda, 1960. S. 5-189.
5. Bal'zak Onore. Sbranie sochinenii v 24 t. T. 23. М.: Pravda, 1960. 376 s.

6. Bashe A. Onore de Bal'zak. Chelovek i pisatel' // Bal'zak v vospominaniyakh sovremennikov. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1986. S. 234-242.
7. Berdyaev N.A. O naznachenii cheloveka // Berdyaev N.A. O naznachenii cheloveka. O rabstve i svobode cheloveka. M.: AST: AST MOSKVA: KhRANITEL', 2006. (Philosophy). S. 266-637.
8. Berdyaev N.A. Smysl tvorchestva: Opyt opravdaniya cheloveka. M.: AST: AST MOSKVA: KhRANITEL', 2007. 668 s. (Philosophy).
9. Berdyaev N.A. Problema cheloveka. K postroeniyu khristianskoi antropologii // Put'. 1936. № 50. С. 3-26.
10. Gal'ton F. Nasledstvennost' talanta, ee zakony i posledstviya. SPb.: Red. zhurn. «Znanie», 1875. 315 s.
11. Gegel' G.V.F. Estetika: v 2 t. T. 1. 2-e izd. ster. SPb.: Nauka, 2007. 623 s. (Ser. «Slovo o sushchem»).
12. Got'e T. Iz knigi «Onore de Bal'zak» // Bal'zak v vospominaniyakh sovremennikov. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1986. S. 108-136.
13. Grimak L.P. Predislovie // Lombrozo Ch. Genial'nost' i pomeshatel'stvo / Obshch. red., predisl. prof. L.P. Grimaka. M.: Respublika, 1996. S. 5-15. (B-ka eticheskoi mysli).
14. Gurevich P.S. Filosofskaya antropologiya. M.: Omega-L, 2010. 607 s.
15. Gurevich P.S. Filosofskaya interpretatsiya cheloveka (K 80-letiyu prof. P.S. Gurevicha). SPb.: Petroglif, 2013. 428 s.
16. Griftsov B. Kak rabotal Bal'zak. M.: Sovetskii pisatel', 1937. 157 s.
17. Deleklyuz E.-Zh. Iz knigi «Vospominaniya za shest'desyat let» // Bal'zak v vospominaniyakh sovremennikov. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1986. S. 155-156.
18. Kant I. Kritika sposobnosti suzhdeniya. M.: Iskusstvo, 1994. 367 s. (Istoriya estetiki v pamyatnikakh i dokumentakh).
19. Losev A.F. Istoriya antichnoi estetiki. Pozdний ellinizm. Khar'kov: Folio; M.: «Izdatel'stvo AST», 2000.
20. Remizov B.G. Bal'zak. L.: Izd-vo LGU, 1946.
21. Siprio P'er. Bal'zak bez maski / Per. s fr. E.A. Sergevoi. Vstup. stat'ya A.P. Levandovskogo. M.: Molodaya gvardiya, 2003. 503 s.: il. (Zhizn' zamech. lyudei: Ser. Biogr.; Vyp. 840).
22. Syurvil' L. Bal'zak, ego zhizn' i proizvedeniya po ego perepiske // Bal'zak v vospominaniyakh sovremennikov. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1986. S. 22-101.
23. Takho-Godi A.A. Losev. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Molodaya gvardiya, 2007. 534 s.: il. (Zhizn' zamechatel'nykh lyudei: ser. biogr.; vyp. 1076).
24. Ten Ippolit. Bal'zak. Etyud / Per. S. Shklyavera. SPb.: Izdanie Ya. Bermana, 1894. 109 s.
25. Tsveig S. Bal'zak / Per. s nem. Aleksandra Golembi. Pod red. E. Zaks. M.: Molodaya gvardiya, 1961. 496 s. («Zhizn' zamechatel'nykh lyudei». Seriya Biogr.; Vyp. 6(320)).
26. Chernov S.V. Kniga o genial'nosti. T. 1. Chelovecheskii genii: Priroda. Sushchnost'. Stanovlenie. Voronezh–M.: Izd-vo Instituta dukhovnoi kul'tury, 2010. 562 s.
27. Chernov S.V. Dialektika i fenomenologiya chelovecheskogo geniya // Nauchnye trudy Instituta dukhovnoi kul'tury i svobodnogo tvorchestva. Vypusk pervyi (№ 1/2011). Voronezh–M.: Izd-vo Instituta dukhovnoi kul'tury, 2011. S. 99-142.
28. Chernov S.V. Genii kak khudozhnik, kak myslitel', kak tvorets // Psikhologiya i psikhotehnika. 2011. № 1(28). S. 34-44.
29. Chernov S.V. Problema genial'nosti v kontekste filosofskoi antropologii // Filosofiya i kul'tura. 2013. № 12. S. 1757-1769. (DOI: 10.7256/1999-2793.2013.12.9382).
30. Chernov S.V. Kharakterologiya genial'nosti: Fenomen postupka // Nauchnye trudy Instituta Nepreryvnogo Professional'nogo Obrazovaniya. Vypusk tretii (№ 3/2014) / Pod red. prof. S.V. Chernova. M.: Izd-vo Instituta nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniya, 2014. S. 279-323.
31. Shelling F.V. Filosofiya iskusstva. M.: Nauka, 1966.
32. Shopengauer A. Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 1: Mir kak volya i predstavlenie / Pod red. A. Chanysheva. M.: TERRA – Knizhnyi klub; Respublika, 2001. 496 s.
33. Ekkerman I.P. Razgovory s Gete / Per. s nem. N. Kholodkovskogo. M.: Zakharov, 2003. 448 s. (Seriya «Biografii i memuary»).
34. Efroimson V.P. Genetika genial'nosti. Izd. 3-e. M.: Taideks Ko, 2004. 376 s. (Biblioteka zhurnala «Ekologiya i zhizn'». Seriya «Ustroistvo mira»).
35. Gurevich P.S. Postizhenie cheloveka cherez artefakty kul'tury // Filosofiya i kul'tura. 2014. № 6. S. 916-918. (DOI: 10.7256/1999-2793.2014.6.12263).
36. Konson G.R. Rafael' de Valanten Onore de Bal'zaka – zhertva katastrofizma ili ego nositel'? // Filosofiya i kul'tura. 2014. № 7. S. 1038-1046. (DOI: 10.7256/1999-2793.2014.7.12174).